

Евангелие напрокат

Протоиерей Андрей Кордочкин о том, что означают слова патриарха Кирилла о допустимости смертной казни

Патриарх Кирилл. Фото: Владимир Смирнов / ТАСС

13:11, 5 ноября 2024,

Андрей Кордочкин

протоиерей

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Отрицательный прогресс

Взгляды патриарха Кирилла на вопрос о допустимости смертной казни находятся в динамике. В 2021 году он **поставил** смертную казнь в один ряд с абортом и эвтаназией. Десятью годами ранее **сказал**: «Сегодня, чтобы устранить конкурента, заказывают киллера. При нынешнем состоянии наших судов, если будет смертная казнь, по закону будут убирать людей. И это страшная опасность». Впрочем, это смелое заявление сопровождалось дисклеймером: «Если и говорить о возвращении к смертной казни в каких-то совершенно конкретных случаях, когда речь идет о маньяках, массовых убийствах, террористах, — все это может иметь место в будущем».

Это нормально для мыслящего человека — пересматривать свои убеждения. Сложность заключается в том, что в данном случае патриарх пересматривает их в ногу с государством, которое, в свою очередь, последовательно переосмысливает свои репрессивные функции. Едва ли нынешнее заявление обусловлено тем, что решения судов стали более справедливыми и беспристрастными по сравнению с 2011 годом.

Очевидно, что речь идет не только о смертной казни, но и в более широком смысле о праве государства убивать своих и чужих граждан на своей и чужой территории, то есть о праве на террор.

Принимая во внимание то, что сегодня террористами объявляются в том числе люди, которые террористических

актов не совершали, речь идет о лицензии на истребление инакомыслящих. Напомним, что призыв генерала и депутата Гурулева уничтожить 20–30 миллионов несогласных был признан законным.

Учитывая гонения, который претерпела Русская церковь в XX веке, вспоминается классическое определение «стокгольмского синдрома»: под воздействием сильного переживания жертва начинает сочувствовать насильнику, оправдывать его действия и в конечном счете отождествлять себя с ним, перенимая его идеи и считая свою жертву необходимой для достижения «общей» цели.

Христос не против

«Господь Иисус Христос смертную казнь не осуждал, хотя Сам незаслуженно претерпел смертную казнь», — говорит патриарх. Это злонамеренная манипуляция священным текстом.

Господь Иисус Христос не осуждал политический террор, кровную месть, наемничество и многие другие греховные и преступные явления. Значит ли это, что в России они могут быть легализованы?

Евангелие описывает, как Иисус Христос спас от побиения камнями женщину, взятую во прелюбодеянии (Ин. 8:3-11). По сути, он предотвратил смертную казнь, причем законную — побивание камнями в подобных случаях было предписано законом Моисея.

Чтоб было бы, если бы Спаситель призвал людей с камнями в руках отстаивать традиционные семейные ценности, и почему в Его руке не было камня?

Что касается неосуждения смертной казни в Евангелии, я бы напомнил еще один евангельский эпизод, где первосвященник Каиафа заявляет: «Лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб» (Ин. 11:50). В этом и есть универсальное оправдание смертной казни во всех странах и во все времена — «для общего блага». Об этом гениально писал Н. Бердяев:

Николай Бердяев:

«Известно, чья судьба решалась этими словами: государство всегда повторяет слова Каиафы, это есть исповедание государственной веры... Смерть одного человека, последнего из людей, есть более важное и более трагическое событие, чем смерть государств и империй. Бог вряд ли и замечает смерть величайших царств мира, но очень замечает смерть отдельного человека.»

(«О рабстве и свободе человека»)

Фото: Сергей Бобылев / ТАСС

Мне хотелось бы напомнить еще один текст этого философа, законно изгнанного из России в эпоху, когда близкие ему по духу в России были столь же законно казнены. В 1925 году популярный с некоторых пор в России И. Ильин написал книгу «О сопротивлении злу силою». В ней, среди прочего, содержалась апология смертной казни. По мнению ее автора, «есть злодеи, по отношению к которым последняя вспышка угасшей жалости только и может выразиться в ускорении их смертной казни».

Бердяев ответил на нее отзывом «Кошмар злого добра», где, в частности, писал:

Николай Бердяев:

«Наиболее неприятно и тягостно в книге И. Ильина — злоупотребление христианством, православием, Евангелием. Оправдание смертной казни евангельскими текстами производит впечатление кощунства. В миросозерцании И. Ильина нет ничего не только православного, но и вообще христианского. Православие явно взято напрокат для целей не религиозных. (...) «Чека» во имя Божье более отвратительно, чем «чека» во имя дьявола. Во имя дьявола все дозволено, во имя Божье — не все».

Раз Ильин нынче в чести, то не время ли вспомнить его оппонента? Он пишет о нас сегодняшних и попадает точно в цель. Евангелие взято напрокат.

Убийство по закону

«Церковь никогда смертной казни не осуждала, если смертная казнь осуществлялась по закону». Я бы хотел напомнить слова Мартина Лютера Кинга:

Мартин Лютер Кинг:

«Мы никогда не должны забывать, что все, что делал Адольф Гитлер в Германии, было «законным», а все, что делали венгерские борцы за свободу в Венгрии, было «незаконным». <...> У человека есть не только гражданская, но и нравственная обязанность исполнять справедливые законы. Соответственно, у человека есть и

нравственная обязанность не подчиняться несправедливым законам. <...> Любой закон, который возвышает человеческую личность, справедлив. Любой закон, который унижает человеческую личность, несправедлив.»

(«Письмо из Бирмингемской тюрьмы»)

В чем задача церкви — в том, чтобы призывать к следованию любому закону, или в утверждении приоритета Божьего закона над человеческим? В том, чтобы напоминать о ценности человеческой жизни, или в том, чтобы способствовать ее обесцениванию? Если появляются законы, которые не стоят бумаги, на которой они написаны, быть может, надо сказать об этом вслух?

Снижение преступности?

Патриарх Кирилл ставит возможность снятия моратория на смертную казнь в зависимость от того, как это повлияет на уровень преступности. Безусловно, любой здравомыслящий человек согласится, что уровень преступности должен понижаться, а не повышаться.

В связи с этим я бы задал несколько вопросов.

Разделяют ли люди, которые принимают решение об освобождении заключенных и их вооружении, ответственность за те преступления, которые совершаются ими после освобождения? Напомню, что одним из таких «героев» был **убит** 90-летний отец Владимира Легойды — председателя Синодального отдела РПЦ по взаимоотношениям с обществом

и СМИ.

Относятся ли слова патриарха Кирилла о прощении грехов погибшим военным к тем, кто был мобилизован из мест лишения свободы, включая педофилов и канибалов?

Фото: Владимир Гердо / ТАСС

Очевидно, что для психики любого человека с любой стороны фронта военный конфликт является тяжелым испытанием. Недавно у меня в руках оказался сборник научных статей «Травма и реабилитация после войны и конфликта» (редактор Эрин Марц, 2010). Авторы упоминают два факта, которыми я хотел бы поделиться с читателем.

В США каждый военнослужащий проходит психологическое

обследование прямо перед отправкой на боевые действия, сразу после возвращения и спустя 3–6 месяцев. Управление здравоохранения ветеранов (VHA) разделено на 21 сеть комплексного обслуживания ветеранов (VISN), включающую

- 153 медицинских центра,
- 731 амбулаторную клинику,
- 135 домов престарелых,
- 209 консультационных центров по вопросам адаптации?
- 47 программ реабилитационного лечения по месту жительства.

С помощью этой обширной сети VHA в 2007 году предоставила медицинские услуги 5,5 миллиона уникальных пациентов.

В Сомали (где, ясное дело, такой структуры нет) через 12 лет после окончания освободительной войны и через 6 лет после окончания боевых действий 16% бывших комбатантов страдало от нарушений психики, в основном от тяжелых психотических расстройств, перемежающихся с наркоманией, и острых травматических расстройств. В большинстве случаев неконтролируемое поведение (например, вспышки агрессии) приводило к тому, что члены семьи годами приковывали их к бетонным блокам или деревьям на территории своих домовладений, или же к тому, что они оказывались в тюрьме.

Вопрос, который возникает, слишком очевиден, чтобы задавать его вслух, но давайте сформулируем его так:

как мы представляем себе общество, где чувствовать себя элитой будут люди, которых не рекомендуется критиковать и к которым не советуют подходить со спины?

Извергните развращенного

И последнее: в свете вопроса о смертной казни патриарх Кирилл ссылается на слова апостола Павла «извергните развращенного из среды вас» (1 Кор:5.13). Очевидно, что Павел говорит не о смертной казни, тем более зная, что сам будет «законно» казнен. Святитель Феофан Затворник (1815–1894) так толкует эти слова: «В Церкви Христовой злой изымается отлучением его от общения и в таинствах, и во внешних сношениях, в видах не очищения только себя самой от злого, но и исправления его самого». Злой — это тот, кто нормализует, или, говоря церковным языком, канонизирует зло, оправдывает, или, хуже того, сакрализует зло.

Но если ветер подует в другую сторону, злые станут добрыми, а взятое напрокат Евангелие вернется на место, будет ли зачтена очередная смена их курса за исправление?

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[На что направлен лазерный прицел](#)

Протестантского пастора, заявившего о несовместимости Евангелия с боевыми действиями, поместили в СИЗО. Одной из старейших в России Церквей грозит разгром

15:41, 4 ноября 2024, Александр Солдатов